

**ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ
КОННОТАТИВНОЙ ОНИМНОЙ ЛЕКСИКИ В ПРАВОВОМ ПОЛЕ
И ПРИНЦИПЫ ЕЕ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ В ДОКУМЕНТАХ**

В.И. МОЗГОВИЙ. ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧНІ ТРАНСФОРМАЦІЇ КОННОТАТИВНОЇ ОНИМНОЇ ЛЕКСИКИ У ПРАВОВОМУ ПОЛІ І ПРИНЦИПИ ЇЇ ВІДТВОРЕННЯ В ДОКУМЕНТАХ.

У статті розглядається специфіка передачі власних назв споріднених або контактних мов у правовому контексті порівняно з художньо-мовленнєвими вживаннями. Мовлення надає комуніканту практично безмежні можливості для лексико-семантичної «гри» й утворення конотацій в різних мовленнєвих формах, а офіційна фіксація повинна нівелювати конотативну варіантність, замінив її загальнонейтральною онімно-мовною одиницею зі зрозумілим для всіх адресним полем (забезпечити точне денотативне значення з ідентичною для будь-якого комуніканта інформацією про об'єкт номінації). В останньому випадку правова парадигма функціонально-семантичних трансформацій, що відбуваються при фіксації власної назви в документах, зумовлює рівень можливих міжмовних змін, які не повинні руйнувати адресно-інформативну функцію пропріальної одиниці при перекладі компонентів чи передачі її формально-граматичних особливостей засобами іншої мовної системи. У статті наводяться приклади правильного й неправильного формування ономастичної норми в офіційному контексті.

Ключові слова: власна назва, атрибут права, функціонально-семантичні трансформації, онімна інформація, денотат, конотації.

В.И. МОЗГОВОЙ. ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ КОННОТАТИВНОЙ ОНИМНОЙ ЛЕКСИКИ В ПРАВОВОМ ПОЛЕ И ПРИНЦИПЫ ЕЕ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ В ДОКУМЕНТАХ.

В статье рассматривается специфика передачи имен собственных родственных или контактных языков в правовом контексте по сравнению с художественно-речевыми употреблениями. Речь предоставляет коммуниканту практически безграничные возможности для лексико-семантической «игры» и образования коннотаций в разных речевых формах, а официальная фиксация должна нивелировать коннотативную вариантность, заменив ее обобщеннонейтральной онимно-языковой единицей с понятным для всех адресным полем (обеспечить точное денотативное значение с идентичной для любого коммуниканта информацией об объекте номинации). В последнем случае правовая парадигма функционально-семантических трансформаций, происходящих при фиксации имени собственного в документах, обуславливает уровень возможных межъязыковых изменений, которые не должны разрушать адресно-информативную функцию пропріальной единицы при переводе компонентов или передаче ее формально-грамматических особенностей средствами другой языковой системы. В статье приводятся примеры правильного и неправильного формирования ономастической нормы в официальном контексте.

Ключевые слова: семантика собственного имени, правовой контекст, перевод, передача, денотат, коннотации.

V.I. MOZGOVOY. FUNCTIONAL AND SEMANTIC TRANSFORMATIONS OF CONNOTATIVE ONIM LEXICON IN A LEGAL FIELD AND THE PRINCIPLES OF ITS REPRODUCTION IN DOCUMENTS.

In article specifics of transfer of proper names of related or contact languages in a legal context are compared to its use in fictional and spoken speech. The speech gives to a communicant almost boundless opportunities for lexical-semantic "game" and formation of connotations in different speech forms, and official fixing has to level connotative alternativeness, having replaced it generally with the neutral onym-language unit with an address field clear for everyone (to provide exact denotative value with identical information for any communicant about object of the nomination). In the latter case the legal paradigm of the functional and semantic transformations happening at fixing of a

proper name in documents, causes level of possible interlingual changes which shouldn't destroy address and informative function of proper unit during the transfer of components or transfer of its formal and grammatical features by means of other language system. In article examples of the correct and wrong formation of onomastic norm in an official context are given.

Key words: *semantics of proper name, legal context, translation, transfer, denotatum, connotations.*

Вопрос о семантике онимов является одним из наиболее обсуждаемых, но наименее однозначных в ономастике. Парадоксальность такой ситуации объясняется тем, что имя собственное (СИ), являясь частью лексической системы языка (имея корень, суффикс, грамматическое значение рода, числа и т.п.) или речевого общения (*Сл`авянск* и *Слав`янск*; *Саша*, *Сашенька* и *Сашко* или даже *Алекс*), в функциональном отношении становится главным средством индивидуализации конкретного объекта (*Сл`авянск* в России, *Слав`янск* в Украине; *Александр* – русский, *Алехандро* – испанец, *Олександр* – украинец), которое в официальном контексте переносит его в правовую плоскость и превращает в важнейший атрибут права (*Александр Иванов* в русском языке и *Александр Иванов* в украинском; *Олександр Васько* в украинском языке и *Александр Васько* в русском; *Алехандро Морейро Лассо* и в испанском, и в русском, и в украинском языках; русск. *Сл`авянск* в России, но *Слав`янск* в Украине; укр. *Сл`авянськ* в России, но *Слов`янськ* в Украине). Абсолютизация любого из этих подходов, описывающих механизмы образования проприальной лексики в языке и речи, или недооценка правовой сущности СИ административно-политическими структурами, стремящимися «разглядеть» в его семантико-языковой форме «полезность» или «опасность» для общества, приводят к переименованиям (или «переводам» на грани переименования), неправильной фиксации онима в документах и искажает его смысл вплоть до уничтожения собственного имени как такового (*Сл`авянск* и в России, и в Украине; укр. *Олександр* и для русского, и для украинца; русск. *г. Николаев* – укр. *м. Миколаїв*, *Мариуполь* – *Жданов* – *Мариуполь*). Последнее обстоятельство актуализирует практическую проблему передачи СИ в документах и побуждает научную общественность к разработке оригинальных подходов к семантике, что влияет на разработку теории и практики их функционирования в языке и речи.

На сегодняшнем этапе развития ономастики выделяется несколько подходов к семантике собственного имени (см.: [3; 5]).

1. Полное или частичное отрицание какого-то ни было значения: Милль, В. Брэндалль, А. Гардинер, Л. Стеббинг, Б. Рассел, А.А. Реформатский, О.С. Ахманова,

Н.Д. Арутюнова, А.А. Уфимцева, К.Д. Левковская, Н.И. Толстой, В.М. Мокиенко и др.;

2. Выделение специфического языкового значения, противопоставленного лексическим значениям всех других разрядов слов: Л. Щерба, Е. Курилович, А. Доза, Ф. Травничек, И. Воробьева, Е. Данилина, М. Захарова, Т. Кондратьева, В. Никонов, Л. Ступин, Л. Щетинин и др.;

3. Выделение речевого значения в тексте, в контексте, в дискурсе, в социуме, в социолекте: М. Бреаль, О. Есперсен, Г. Суит, Г. Сёренсен, Н. Шпербер, В.И. Болотов, С.И. Зинин, А.В. Суперанская, М.Э. Рут и др.

В отечественной ономастике наиболее отчетливо эти подходы акцентируются в трудах Ю.А. Карпенко – языковой аспект [2], Е.С. Отина – коннотативный аспект [6] и В.М. Калинин – аспект поэтической речи [1].

Не отрицая значимость и правомочность различных взглядов на семантику СИ, заметим, что семантические «кульбиты» проприальной единицы зависят от того, насколько она приближается к своему основному предназначению – быть средством официальной индивидуализации объекта номинации в любой национальной парадигме. На пути к правовому осмыслению онимной номинации собственное имя прошло несколько этапов, выделение которых зависит от семантики и специфики функционирования СИ в языке и речи.

Задачей нашего исследования является определение значимой структуры проприальной единицы на разных отрезках онимной истории или в разных коммуникативных контекстах и описание методики официальной передачи СИ в контактных языках. С этой точки зрения процесс выделения онимов из лексической системы языка, функционирующей в многовекторных стилях (от разговорного, публицистического и художественного до официально-делового) прошел несколько условных этапов (условность связана с их взаимопереплетением и нечеткой хронологизацией).

Стихийно лексический этап связан с доисторическим (дохристианским) периодом существования цивилизации, когда обычная лексика, вполне естественно применяемая для конструирования протоназваний и протоимен в пределах территориально и количественно ограниченных общественных коллективов, еще не воспринималась как средство индиви-

дуализации объекта, воспринимаемого всеми, но оторванного от значения слова. Ее лишь условно можно считать собственными именами, в качестве которых выступали обычные слова-характеристики, имеющие дублетные формы с «размытым» денотатом, но напрямую связанные с ним лексическим значением (*Добрыня, Первой, Девятой, Ждан* в семье и *Беспят, Палка, Безнос, Неждан* для других, чтобы «отвернуть» злых духов). Часто это были номенклатурные термины, восходящие к безадресным апелляциям «град» (*Княжий град*), «река» (*Дон, Дунай* [7, с. 528-529]), «источник» (*Теплый колодец*), «остров» (шведск. *Sund*), «гора» (укр. *Полонина*) и т.п., этнонимы (*угре* – территория и название народа), характеристика местности (*пески, снежное*) и т.п. При этом один и тот же объект у разных кочевых народов, сменяющих друг друга, мог отличаться речевой формой, но быть неизменным в своем стремлении к передаче лексического значения, а многочисленные речевые варианты не могли иметь жестких норм передачи и воспринимались только «на слух»

В сегодняшней традиции этот период онимной истории так или иначе представлен в названиях *Днепр, Днестр, Городок, Burg, Warmbrunn, П`ески, Снежн`ое*, фамилиях типа *Беспяткин, Першин, Могила* и современных прозвищных образованиях, употребляемых вместо «законного» антропонима: *Лямцев*, «по-уличному» *Монгол; Пушкарев* (владелец фамилии – человек богатырского телосложения) – *Пуша, Краснов* (владелец фамилии – высокий человек) – *Длинный* и т.п.

Стихийно грамматический этап первично материализовался в условиях, когда родовой строй с языческими традициями сменился государственностью и последующим принятием монорелигии (в данном случае христианства). Последнее обстоятельство расширило границы употреблений имен и названий в разных языковых системах и десемантизировало их до уровня разнонациональных ономалексем (*Иордан – Ердань, Иерусалим – Ярусалим, Вифлеем – Вифлевом, Эфиопия – Эфивопа, Ассирия – Осурия*); *Иоанн – Иван, Вано, Йоганн, Хуан, Жан, Ян, Джон*, реализующихся в межъязыковых вариантах устной и письменной речи (*Константинополь – Царьград – Стамбул, Иордан – Йордан – Священная река, Афон – Святая гора, Оденне – Медвежья Голова, Лемберг – Львов, Кенигсберг – Королевец – Кролевец, Видень – Вена; Иоанн – Иван – Ваня – Ванюша – Ванечка – Ванька*). Десемантизация привела к появлению «метафорических» СИ типа *Волчья* (река с непригодной для питья водой), *Калка* (река с грязной водой), отантропонимических географических названий (*Богу-*

славль, Лихославль, Переяславль, Кузнецово, Иваново) или сакральных топонимных образований (*Покровское, Никольское, Святогорск, Почаево*).

На этом этапе появляются попытки узаконить в языке многочисленные речевые употребления, которые, впрочем, не избавлялись от сословно-национальных коннотаций и национальной «переделки», исходя из индивидуального «толкования» значения непонятого слова (*Иван Грозный, Александр Невский, но Ивашка, Петрушка, Ванька; Лондон – Ланден – Люддин; Вена – Виена – Виден – Веден – Вен; Кашау – Каша – Нашево* и т.п.). В речевом устном или письменном контекстах собственные имена начали «раскрывать» свои тайны, приобретая денотативную соотнесенность с возможной «привязкой» к лексическому значению слова и коннотативные оттенки, поразному оценивающие объект номинации. Языковая форма фиксации речевых вариантов подготавливала почву для нового витка «ономизации» номинативных единиц.

Главной идеей **осознанно грамматического этапа** являлась научная идентификация СИ вне контекста. Она опиралась на языковую структуру составляющих его элементов и абстрактные коннотации: *Катюха* – исключительно русское неофициальное женское имя, *Николаев* – русская фамилия или название города, *Люксембург* – название государства в Европе, *Петербург* – название города в России, *Нью-Йорк* – мегаполис в США, *Каренина* – русская фамилия, *Борис* – личное русское имя; но *Герман* (мужское личное имя и в Германии, и в России, и в Украине), *Григоревич* (украинская, русская и южнославянская фамилия), *Пески* (город в любом славянском государстве), *Ян* (и в Польше, и в Белоруссии, и в Украине, и в России), *Иванов* (и в России, и в Болгарии) – СИ с неясным денотатом и абстрактным коннотативным значением.

Осознанно речевой (коннотативный) этап связан с объективной необходимостью изучения языковых атрибутов онимного пространства в речевом контексте. Главным в ониме становится не обобщенный денотат (город, река, имя, фамилия, звезда и т.п.), а созначения, которые возникают у конкретного автора или читателя под влиянием национально окрашенной коннотации, способной «перевернуть» и даже «уничтожить» первичный денотат: *Днепр* – город, а не река; *Эверест, Монблан* – характеристики событий, людей или явлений, а не горы; *Сахалин, Камчатка* – отдаленное место, а не остров или полуостров и т.п. В подобных употреблениях речевая практика принципиально изменяет структуру денотативного значения: из абстра-

ктного оно сужается до уровня страны, региона или конкретного объекта, что позволяет ему почти совпадать с сигникативным. При этом уменьшается ценность грамматического значения и практически исчезает лексическое, заменяясь коннотативным по мере приобретения языком национального звучания и колорита.

Понятия *коннотоним* [6] (как правило, в разговорном стиле) и *поэтоним* [1] (как правило, в художественном стиле) превращаются в основной предмет изучения нового измерения ономастики, базирующейся на типологии ономастических единиц, исходя из сферы их функционирования и иерархии коннотативных значений: от точечных индивидуальных коннотаций (и, соответственно, отсутствия четких норм употребления) в разговорном стиле (*Сашко, Саша, Саня, Санечка, Сашка, Олекса; Петербург, Питер*) или исторической вариативности, которая не может распространяться на современность, исходя из политической целесообразности (*Керкинитиды, Гёзлов, Козлов – совр. Евпатория*) до авторских коннотаций в художественном стиле, которые при соответствии национально-языковой картине мира продолжают жить в речи каждого представителя языковой общности (*Глугово, Тарас Бульба, Диканька, Плюшкин, Онегин, Болдино* и т.п.).

Таким образом, речевые варианты в зависимости от отношения говорящего к объекту номинации в конкретный момент коммуникации продуцируют у него разнообразные «художественные» коннотации. Однако «ненормированная» нормативность абстрактных классов проприальной лексики и социально-художественной направленности речевых коннотонимов, поэтонимов и политонимов («творчество» политиков, использующих их в публичных диалогах) при осмыслении гражданином своей неповторимой индивидуальности в пределах конкретной национальной общности конструирует иное отношение к собственному имени.

Интуитивно гражданственность стремится к фиксации своей индивидуальности в языке – в недрах коннотативного речетворчества формируется **правовой этап современной онимной истории**, оперирующий не семантикой слова, а юридическим смыслом объекта номинации, заключенном в языковой форме СИ. Потенциально ничем, никем и ни для кого не ограниченная возможность индивидуального осмысления одного объекта номинации на основе оригинальных коннотаций и авторских номинативных форм, позволяющих оперировать лексическим значением слова, при их воспроизведении в документах уменьшается до уровня нейтральной единицы

конкретного денотата с точной адресной функцией и информацией, лишенной лексико-коннотативной окраски. Так рождается собственное имя как таковое, в правовом контексте которого межъязыковые варианты могут существовать лишь при условии сохранения первичного денотата и соответствующей ему официально-правовой информации. С этих пор формальные модификации СИ могут появляться только в разных языковых системах, фиксирующих средствами другого языка неизменное адресно-информативное поле, которое и определяет пределы формально-грамматических изменений или перевода компонентов.

Главным основанием правовой концепции происхождения онимной лексики является утверждение о том, что при ее языковой передаче следует сохранять право первичного или ныне действующего собственника на имя. Такой взгляд на природу СИ не только отменяет эквивалентную вариативность (*Анна – Ганна, Николай – Микола*), перевод онимной лексики (*Никитовка – Микитівка, Никольское – Микільське, Приятное Свидание – Приємне Побачення, Речное – Річкове* или *Річне*) или переименование объектов номинации без согласия собственников (*Луганск – Ворошиловград – Луганск, Мариуполь – Жданов – Мариуполь*), но и не допускает изменение формы при невозможности определения первичного собственника. Если собственниками имен являются, например, *Владимир, Николай, Елена, Вячеслав, Михаил, Александр, Никита*, то сберечь их право на имя в украинской проприальной культуре могут только формы *Владимир, Ніколай, Єлена, Вячеслав, Михайл, Александр, Нікіта* (а не *Володимир, Микола, Олена, В'ячеслав, Михайло, Олександр, Микита*). Если в качестве «первичного собственника» в топониме *Николаев* зафиксирован Николай I, значит, передать эту информацию может только форма *Ніколаїв*, а первично русские географические названия *Приятное Свидание, Речное* должны воспроизводиться в украинском языке как *Приятне Свидання, Речне*.

Согласно такой методике [4] юридически правильными следует считать украинские варианты *Ніколайович* от *Ніколай* и *Миколович* от *Микола*; *Горловка* от *Горлов* и *Київ* от *Кий*; *Внуково* (Россия), но *Єнакієве* (Украина) и *Єнакієвська рада* от *Єнакієв* (а не *Єнакіївська*); *Святогірськ* от «*Святі Гори*», *Тернопіль* от славянского «поле», но *Константинополь* (а не *Костянтинопіль*) от греческого *полис* в честь императора *Константина*. Такой методикой можно пренебречь лишь при утрате информации о первичном собственнике и распространении значимой

для мира другой информации (например, *Севастополь* «легендарный, героический, город русской славы», а не *Ахтиар* – татарское село со значением «белый родник»). Кажущаяся понятность близкородственных языков приводит либо к сплошному «переводу» прозрачных компонентов (русс. *Набережные Челны, Красная Поляна, Первомайское, ул. Октябрьская, ул. Красноармейская* – укр. *Набережні Човни, Червона Поляна, Першотравневе, вул. Жовтнева, вул. Червоноармійська*), либо к эквивалентной замене одних национальных имен другими (русс. *Николай* – укр. *Микола*, русск. *Вячеслав* – укр. *В'ячеслав*, укр. *Дяченко* – русск. *Дьяченко*), либо к полному игнорированию перевода как такового (русс. *ул. Независимости* – укр. *вул. Незавісності*).

Между тем перевод СИ в юридической плоскости возможен только при необходимости передать общепользую или исторически значимую информацию, сосредоточенную в различных разрядах онимной лексики:

– в названиях книг, кинофильмов, статей и т. п.: *«Герой нашего времени»* М. Лермонтова – *«Герой нашего часу»* (но: *телепрограмма «Время», газета «Таймс»*), *«Звездные войны»* – *«Зоряні війни»* (но: *кинотеатр «Звездочка»* – *«Звёздочка»*, а не *«Зірочка»*), *сказка «Золушка»* – *«Попелюшка»* (но: *дитячий садочок «Золушка»*, если это русское по происхождению название);

– в названиях национальных праздников, событий, явлений, организаций, наград, административно-географических объектов и политических учреждений, связанных с социальной или деловой информацией (при этом вторично-переносные названия-«бренды» не переводятся и могут братья в кавычки, утрачивая способность к словоизменению): *8 Марта* – *8 Березня*; *орден Победы* – *орден Перемоги* (но: *автомобиль «Победа», автомобиля «Победа»*); *Великая Отечественная война* – *Велика Вітчизняна війна*; *страны Большой Семерки* – *країни Великої Сімки*; *Большой каньон* – *Великий каньйон*; *Great Brit* – *Великобританія* – *Велика Британія* (в переводном компоненте информация об империи); *Великая Октябрьская социалистическая революция* – *Велика Жовтнева соціалістична революція* (но: *ул. Октябрьская* – *вул. Октябрьська*); *Красное море* – *Червоне море*; *Красная Армия* – *Червона Армія* (но: *ул. Красноармейская* – *Красноармійська*); *г. Углегорск* – *м. Вуглегорськ* (в переводном компоненте – информация, связанная с «вугіллям», но: фамилия *Углегорський*, не имеющая отношение к «вугіллю»); *Открытое акционерное общество «Донецкая угольно-энергетическая компания»* – *Відкрите акціонерне товариство «Донецька вугільно-енергетична компанія»*,

Відкритого акціонерного товариства «Донецька вугільно-енергетична компанія»; *Дальний Восток* – *Далекий Схід* (но: *Владивосток*); *Южные авиалинии* – *Південні авіалінії* (но: *Южносахалінськ*); *Северный Ледовитый океан* – *Північний Льодовитий океан* (но: *Североморськ*) и т. п.

– в названиях улиц, проспектов, площадей, вокзалов, носящих мемориальный характер (в их структуре в этих случаях часто присутствует дата или к ним можно добавить слово «имени»): *Северный автовокзал* – *Північний автовокзал* (значимая для всех информация о направлении движения автобусов, но: *зупинка «Северный Автовокзал»*); *ул. (имени) 8 Сентября* – *вул. 8 Вересня, пр. (имени) Шахтостроителей* – *пр. Шахтобудівельників*; *пл. (имени) Независимости* – *пл. Незалежності*; *ул. (имени) 250-летия Донбасса* – *вул. 250-річчя Донбасу, ул. (имени) Советской Армии* – *вул. Радянської Армії* (но: *вул. Советська*) и т. п.

Таким образом, существующая методика фиксации СИ в документах далека от совершенства. Подчеркнуто языковая или речевая составляющая семантики имени при стремлении воспроизвести ее любыми путями переступает черту, за которой язык вступает в противоречие с правом. Практическая ценность СИ попадает в зависимость от функционально-семантических трансформаций, происходящих при переходе слова с обычным лексическим и множеством коннотативных значений в разряд проприальной системы с одинаковыми для всех официальными коннотациями. Вот почему определение специфики семантики собственных имен по сравнению с обычными лексемами, анализ функционально-семантических трансформаций в структуре СИ при его переходе от авторско-коннотативных наименований к официальной фиксации их правового статуса приобретает не только теоретическое, но и практическое значение: какими языковыми средствами передавать имена собственные при межъязыковых контактах, чтобы не разрушить право человека на имя. Правовая парадигма функционально-семантических трансформаций, происходящих при фиксации имени собственного в документах, обуславливает уровень возможных межъязыковых изменений, которые не должны разрушать адресно-информативную функцию проприальной единицы при переводе компонентов или передаче ее формально-грамматических особенностей.

ЛІТЕРАТУРА

1. Калинин В.М. Поэтика онима. / В.М. Калінкін // Донецк : Юго-Восток, 1999. – 408 с.

2. Карпенко Ю.А. Теоретичні засади розмежування власних і зачальних назв. / Ю.А. Карпенко // Мовознавство. 1975. № 4. – С. 46-50.

3. Книжникова З.О. О семантике имени собственного / З.О. Книжникова // Известия Тульского государственного университета. Вып. 2. Языкознание : ГРНТИ 16 – 2009. – С. 237 – 247.

4. Мозговой В.И. Метод соціально-правової ідентифікації при офіційній передачі власних назв / В.І Мозговий // Методологія та історіографія мовознавства : матеріали Міжнародної науково-практичної конференції. –

Слов'янськ : ДДПУ, 2013. – С. 193-197.

5. Нахимова Е.А. Дискуссия о статусе и семантике имени собственного / Е.А. Нахимова // Политическая лингвистика. Вып. 1. Языкознание : ГРНТИ 16.21.27 – 2010.– С. 171 – 183. 13.

6. Отин Е.С. Словарь коннотативных собственных имен. / Е.С. Отин. – Донецк : Юго-Восток, 1999. – 410 с.

7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1 (А-Д); пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева / под ред. и с предисл. Б.А. Ларина – 2-е изд., стер – М. : Прогресс, 1986. – 576 с

УДК 81`42

Н. В. АКИМОВА

ВАРИАТИВНОСТЬ ПОНИМАНИЯ КАК ОСОБЕННОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

Н. В. АКИМОВА. ВАРИАТИВНІСТЬ РОЗУМІННЯ ЯК ОСОБЛИВІСТЬ СУЧАСНОЇ ІНТЕРНЕТ-КОМУНІКАЦІЇ.

У статті розглядається специфіка психолінгвістичного аспекту інтернет-комунікації на прикладі інтерпретації анонсів інтернет-новин. Висновки та узагальнення побудовані на результатах модифікованого рецептивного експерименту. Визначено, що лінгвістичною передумовою варіативності розуміння є використання девіантних мовленнєвих одиниць, які можна поділити на недостатні, надлишкові та несполучвані. Девіантні мовленнєві одиниці часто є смисловими домінантами новинних анонсів. Група реципієнтів здатна виявити майже всі девіантні одиниці в текстах, однак окрема особистість в середньому відзначає менше третини девіацій. При цьому краще відчувуються недостатні мовні одиниці – майже половиною читачів, гірше надлишкові – менше третини читачів, зовсім складно виявити несполучвані – лише кожен шостий помічає їх. Девіантність краще відчувається в номінативних частинах мови.

Ключові слова: інтернет-комунікація, рецептивний експеримент, варіативність, розуміння, девіантна мовленнєва одиниця, недостатня девіантна мовленнєва одиниця, надлишкова девіантна мовленнєва одиниця, несполучвана девіантна мовленнєва одиниця, психолінгвістика, новинний анонс.

Н. В. АКИМОВА. ВАРИАТИВНОСТЬ ПОНИМАНИЯ КАК ОСОБЕННОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ.

В статье рассмотрена специфика психолингвистического аспекта интернет-коммуникации на примере интерпретации анонсов интернет-новостей. Выводы сформулированы на основании результатов модифицированного рецептивного эксперимента. Определено, что лингвистической предпосылкой вариативности понимания является использование девіантных речевых единиц, которые можно разделить на недостаточные, избыточные и несочетаемые. Девіантные речевые единицы часто являются смысловыми доминантами новостных анонсов. Группа реципиентов способна обнаружить почти все девіантные единицы в текстах, однако отдельная личность в среднем отмечает менее трети девіацій. При этом лучше ощущаются недостаточные речевые единицы – почти половиной читателей, хуже избыточные – менее трети читателей, совсем сложно обнаружить несочетаемые – лишь каждый шестой замечает их. Девіантность лучше ощущается в номінативных частях речи.

Ключевые слова: интернет-коммуникация, рецептивный эксперимент, вариативность, понимание, девіантная речевая единица, недостаточная девіантная речевая единица, избыточная девіантная речевая единица, несочетаемая девіантная речевая единица, психолінгвістика, новостной анонс.

© Н.В. Акимова, 2014